

Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России*

Станислав Шкель

Доктор политических наук, профессор, департамент политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190121
E-mail: stas-polit@yandex.ru

Андрей Щербак

Кандидат политических наук, руководитель департамента политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190121
E-mail: ascherbak@hse.ru

Татьяна Ткачева

Научный сотрудник, лаборатория сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190121
E-mail: tkacheva.tatyana@gmail.com

Неизменной характеристикой российских выборов постсоветского периода является сравнительно высокая явка и электоральная поддержка представителей власти, которую демонстрируют многие из этнических республик. Статья посвящена исследованию причин взаимосвязи этнического фактора и воспроизводства политической лояльности. В отличие от большинства предыдущих исследований авторы тестируют существующие теории на основе данных социологических опросов, а не официальной электоральной статистики, что позволяет включить в поле анализа этнические характеристики избирателей на индивидуальном, а не региональном или локальном уровнях. Статистический анализ дополняется качественными данными экспертных интервью и материалов трех фокус-групп, проведенных в селах Башкортостана и Татарстана. Полученные результаты позволяют утверждать, что политическая лояльность российских республик обусловлена не этнокультурной спецификой, а характером поселенческой структуры. Этнические республики включают в себя сравнительно высокую долю аграрного населения, значительную часть которого представляют этнические меньшинства. Это наложение этнического и сельского сегментов обуславливает воспроизводство электорального сверхбольшинства. Однако природа данного феномена объясняется не «патриархальной культурой» нерусских этносов, а институциональными возможностями мониторинга и контроля над политическим поведением сельских избирателей со стороны местной администрации. Исследование также позволило уточнить роль этнического фактора в современных электоральных процессах, который тоже влияет на воспроизводство политической лояльности не только по отношению к главам республик, но и к неэтническим федеральным политическим

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-31432 (опн) «Факторы и каузальные механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России».

акторам. Однако его влияние также обусловлено политико-институциональными особенностями этнических республик, а не этнокультурными характеристиками титульных этносов.

Ключевые слова: этнополитика, электоральные процессы, этнический фактор, политическая лояльность, политические машины, субнациональная политика, Россия

Несмотря на процессы централизации, которые характеризуют современную политику в России, неизменным атрибутом российских выборов остается региональная дифференциация в уровне явки избирателей и электоральной поддержке инкубентов. Исследователями неоднократно подмечено, что этнические республики демонстрируют сравнительно более высокие показатели политической лояльности, чем типичные российские регионы (Myagkov, Ordeshook, Shakin, 2010; Goodnow, Moser, Smith, 2012; Goodnow, Moser, Smith, 2014; Bader, Ham, 2015; White, Saikkonen, 2017; Panov, Ross, 2016; Panov, Ross, 2019). Однако данный феномен свойственен далеко не всем этническим республикам, а лишь половине из них (11 из 21) (Панов, 2019: 54–55). Но чем обуславливается более высокая и довольно стабильная электоральная поддержка инкубентов в этих 11 этнических республиках? Хотя ученые предложили ряд объяснений данному феномену, до сих пор конкретные механизмы и причинно-следственные связи формирования электорального сверхбольшинства в российских республиках остаются не совсем понятными. В данной статье мы с использованием как количественных, так и качественных данных пытаемся внести вклад в эту дискуссию, раскрывая конкретные механизмы формирования электорального сверхбольшинства в российских регионах.

Логика изложения статьи следующая: сначала мы представляем обзор литературы по исследуемой проблематике, выявляем основные взаимосвязи этнического фактора с политической лояльностью и формулируем гипотезы, описываем данные и методы. В следующем разделе представлены результаты эмпирического анализа факторов, определяющих высокую электоральную явку в этнических республиках. Отдельный раздел посвящен анализу данных, раскрывающих мотивацию политического выбора нерусских этносов.

Этничность и политическая лояльность: объяснения взаимосвязей

Изучение вопросов этнической идентичности, национализма и их влияния на политические процессы является одним из магистральных направлений в социальных науках. Исследователями на примере самых разных стран неоднократно прослежены возможности политической мобилизации на основах этноцентризма (Bates, 1983; Wantchekon, 2003; Posner, 2005; Franck, Rainer, 2012; Hoffman, Long, 2013). При этом политика этнического фаворитизма наблюдается как в авторитариях, так и в странах с демократическим политическим режимом (Chandra, 2004).

Политические процессы на постсоветском пространстве после распада СССР предоставили богатый эмпирический материал для анализа этнополитической проблематики и породили новую волну исследований роли этнического фактора в современной политике (Дробужева, Аклаев, Коротева, Солдатова, 1996; Тишков, 1997; Амелин, 1997; Абдулатипов, 2000; Коротева, 2000; Зорин, 2003; Минаева, Панов, 2017; Hale, 2008; Frye, 2015; Borisova, Sulimov, 2018; Shkel, 2019; Avdeyeva, Matland, 2020). Российский постсоветский опыт политического развития подтвердил важность этнического фаворитизма в электоральных процессах, особенно в этнических республиках, где довольно часто политизируется этничность и артикулируются этнокультурные маркеры в ходе избирательного процесса. Электоральные результаты избирательных кампаний в ряде российских национальных регионов наглядно продемонстрировали, что подобная стратегия может быть выигрышной просто потому, что избиратели в полиэтничных сообществах предпочитают голосовать за политиков, представляющих их этнос (Курлов, Суханов, Шкель, 2003).

Вместе с тем российские выборы демонстрируют влияние этнического фактора не только на региональных, но и на федеральных выборах. Данный факт порождает вопрос, на который невозможно ответить лишь на основе теории политики этнического фаворитизма. Очевидно, что ни партия «Единая Россия», ни российские президенты не отражают культурные предпочтения нерусских этносов российских республик. Тогда почему, несмотря на то что партия власти в современной России не является этнической партией, этнические республики оказывают «Единой России» и другим федеральным инкубентам более высокую электоральную поддержку, чем другие российские регионы (см. рис. 1)?

Один из наиболее распространенных ответов на этот вопрос связан с концептом политических машин. В литературе, посвященной данной теории, политические машины определяются как «политические организации, которые мобилизуют электоральную поддержку за счет предоставления избирателям определенного рода привилегий в обмен на их голоса» (Stokes, 2005: 315). Как правило, эти привилегии носят сугубо материальный и партикуляристский характер, что требует формирования патрон-клиентелистской сети для их дистрибуции (Scott, 1969). Иными словами, в отличие от программных политических партий, политические машины предлагают широким массам населения не общественные блага, а пытаются обменять (купить) голоса избирателей, обещая взамен материальные ценности конкретным индивидам (Golosov, 2013: 463), либо «клубные блага» в виде преференций для отдельных социальных групп (кланов, этносов, мигрантов и т. п.) (Kitschelt, Wilkinson, 2007: 11). Таким образом, одной из ключевых детерминант силы и устойчивости политических машин в регионах является внутренняя социально-экономическая структура и наличие так называемых «уязвимых групп»: бедняков, мигрантов, этнических меньшинств, пенсионеров, рабочих государственных предприятий.

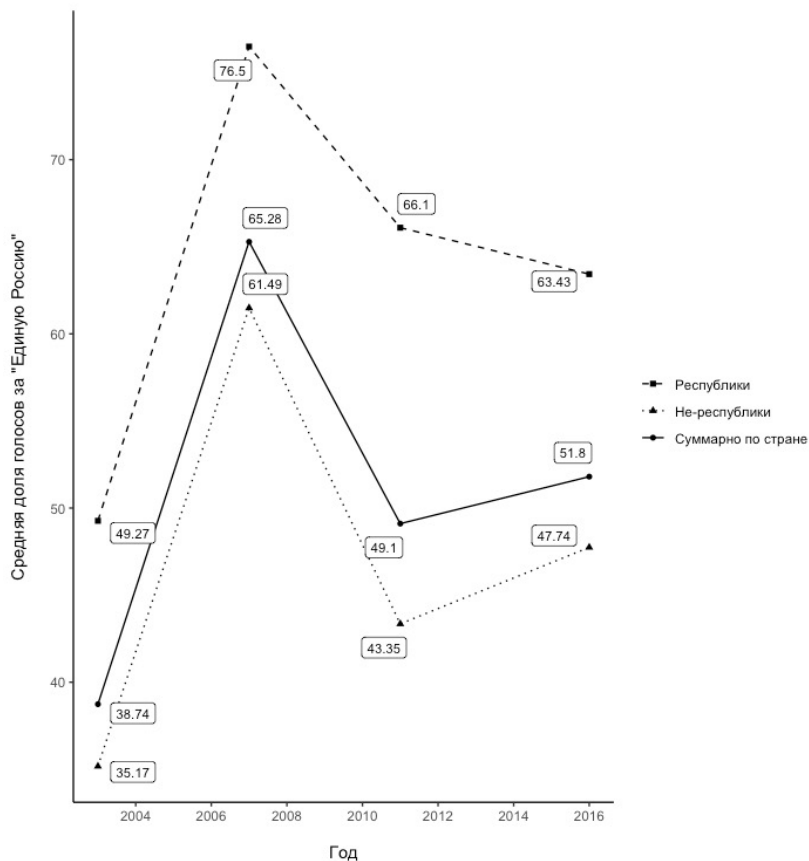

Рис. 1. Показатели голосования за партию «Единая Россия» на парламентских выборах в этнических республиках в период 2003–2016 гг.

Аналогичные выводы были сделаны и в исследованиях, посвященных российским регионам. Одно из основных объяснений возникновения и устойчивости региональных политических машин в России — наличие так называемого «сельского ядра» (Matsuzato, 2001; Hale, 2003). Общим в соответствующих исследованиях является допущение о том, что разные виды политического поведения и в особенности голосование в наибольшей степени поддаются контролю и направленному воздействию со стороны власти именно в сельской местности, так как сложно сохранять анонимность при небольшом количестве избирателей и при имеющейся плотности социальных сетей в малонаселенных районах (Auyero, 2001; Stokes, 2005; Nichter, 2008).

В случае России этот фактор дополняется еще и советским наследием в виде значительной доли государственных предприятий, находящихся под администра-

тивным контролем политических элит. В отличие от федеральных властей, многие главы этнических республик в 1990-е годы, пользуясь своей автономией от центра, предпочли градуалистскую экономическую политику и сохранили многие ключевые предприятия под государственным контролем (Hale, 2003: 232). В результате именно в этнических республиках сложился достаточно внушительный второй сегмент, упрощающий работу политических машин и включающий в себя работников государственных предприятий, на электоральное поведение которых можно воздействовать через директорат. Таким образом, региональные власти могли контролировать электоральное поведение не только сельского, но и значительной доли городского населения. К этому сегменту административного контроля можно также причислить всех работников бюджетной сферы и пенсионеров, которые тоже оказались зависимыми от государства и потому уязвимыми для политического давления.

Наконец, как третий важный сегмент машинной политики исследователи выделяют «институционализированную этничность» — феномен, который тоже оказался советским наследием и был использован главами этнических республик в качестве одного из ключевых узлов в механизме политических машин. Важным тезисом данного объяснения является то, что этнический фактор имеет политическое значение не сам по себе, а только при условии его политизации и институционализации. В российском случае ключевым механизмом политизации этничности стал этнократический принцип формирования политических элит, унаследованный еще со времен советской политики коренизации. Согласно этому принципу, высшие партийные должности в автономных республиках/округах занимали представители доминирующего этноса, получившего неформальный статус «титულიной нации». В постсоветский период главы этнических республик стали использовать преференциальную политику в пользу таких этносов за счет государственной поддержки культуры в виде повышения статуса и распространения в социальной сфере их родного языка, распределения субсидий и грантов в пользу доминирующих этносов, а также кадровой политики, включающей в себя признаки этнократии (Shcherbak, Sych, 2017). Данная политика, базировавшаяся на распределении как символических, так и сугубо материальных благ, обосновывалась с помощью идеологии этнонационализма (Sharafutdinova, 2013). В рамках подобной практики этнического фаворитизма (Chandra, 2004) главы республик формировали этническое ядро электоральной поддержки.

Указанные три сегмента (село, бюджетные предприятия и нерусские этносы с возможностью политизации и институционализации их культуры) создавали благоприятные возможности для формирования наиболее эффективных политических машин. Поскольку в этнических республиках наличествовали все три указанных сегмента, это и определило тот факт, что именно в этих регионах власти могли наиболее эффективно добиваться политической лояльности электората.

Дальнейшие исследования показали, что этнический фактор в виде доли нерусских этносов в составе российских регионов сохраняет устойчивость как объ-

яснительная переменная электоральной поддержки инкубентов не только на региональных, но и на федеральных выборах (Goodnow, Moser, Smith, 2012; Panov, Ross, 2016; White, 2016; White, Saikkonen, 2017). Это, однако, довольно удивительно, если принять во внимание тот факт, что рецентрализация при В. Путине и в особенности резкий разворот федерального центра после 2017 года в отношении статуса и преподавания языков нерусских этносов в республиках, скорее, принесли последним издержки, а не преференции. Некоторые исследователи объясняют устойчивость этнического фактора в электоральных процессах России «традиционалистскими» свойствами социальной структуры нерусских этносов, в которых «плотнее и насыщеннее социальные связи, более значимы традиционные иерархии, труднее сохранить анонимность и, наоборот, проще обеспечить принуждение и/или контроль над голосованием» (Панов, 2019: 56). Наряду с так называемыми «тотальными учреждениями» (закрытые учебные заведения, военные части, дома престарелых и т. п.) нерусские этносы рассматриваются как социальные группы, в которых традиционалистские по своей природе идентичности и солидарности достаточно интенсивны, что объективно делает их благоприятной средой для работы политических машин (Панов, 2019: 56). Развивая этот тезис, ученые утверждают, что для сохранения плотности социальных сетей этнические меньшинства должны быть компактно географически локализованы и изолированы от русского этнического большинства. Это позволяет им сохранять традиционную иерархию, высокую политическую мобилизацию и лояльность. На основе количественных данных сторонники этого объяснения приводят эмпирические доказательства того, что только географически сегрегированные нерусские этносы демонстрируют высокий уровень электоральной поддержки партии власти, в то время как этносы, проживающие совместно с русским населением, не проявляют высокого уровня политической лояльности (Minaeva, Panov, 2020).

Согласно данному культурологическому объяснению, политическая лояльность этнических республик связана с традиционной социальной структурой этносов в виде семейно-клановой иерархии, что сохраняет плотность коммуникаций внутри этнической группы. Иерархичность подобных традиционалистских структур обуславливает ориентацию рядовых членов этнической группы на мнение вышестоящих авторитетов, беспрекословное подчинение и демонстрацию политической лояльности. Легко предположить, что региональные элиты могут использовать данные структуры и, вовлекая их в электоральный процесс, сравнительно легко добиваться нужных электоральных показателей.

Дополнительные аргументы предоставили количественные исследования, согласно которым на современном этапе в системе машинной политики перестает выделяться «сельское ядро», а городские агломерации демонстрируют схожий уровень политической лояльности, как и сельские районы (Panov, Ross, 2019). Это может говорить о том, что в результате централизации и частичной ренационализации российской экономики промышленные предприятия в городах теперь тоже оказались интегрированными в систему машинной политики (Frye, Reuter,

Szakonyi, 2014; Frye, Reuter, Szakonyi, 2019). Однако размывание «сельского ядра» не приводит к потере значимости роли этничности — на этом основании делается вывод, что не столько поселенческие, сколько собственно этнокультурные факторы обуславливают политическую лояльность.

Проблемой данного объяснения оказывается сложность эмпирического наблюдения работы описанных «плотных социальных сетей». До сих пор в литературе нет достоверных и достаточно убедительных фактов, которые подтверждали бы влияние этнических сетей на электоральное поведение. В работах, авторы которых используют эту аргументацию, само описание данных структур слишком абстрактно и общо. Каузальные механизмы влияния этнических сетей на электоральный процесс остаются неясными.

Кроме того, эмпирической базой приведенных заключений выступают количественные данные регионального уровня, в то время как исследования, выполненные на основе анализа данных муниципального (районного) уровня, выявляют несколько иные закономерности. Так, например, И. Сайкконен показывает, что высокую явку демонстрируют только те нерусские этносы, которые проживают в этнических республиках. В то время как этнические меньшинства в русских районах особым политическим поведением не выделяются. В целом доля сельских жителей — более статистически значимый предиктор электоральной мобилизации, чем доля этнических меньшинств. К тому же сельские русские районы демонстрируют более высокие показатели явки, чем муниципалитеты с доминированием нерусских этносов (Saikkonen, 2017). Данные выводы ставят под сомнение важность сугубо этнокультурных детерминант электорального поведения, но обращают внимание на поселенческую структуру социума.

Таким образом, альтернативным объяснением взаимосвязи этнического фактора с политической лояльностью может быть факт пересечения «сельского» и «этнического» сегментов. Это означает, что статистические результаты о роли этнического фактора являются лишь отражением социально-демографической специфики этнических республик, в которых, во-первых, доля сельских жителей сравнительно высока и, во-вторых, значительная часть нерусских этносов проживает на селе, в то время как русские концентрируются в городах. Можно предположить, что со сменой вектора федеральной политики изменились и факторы формирования политической лояльности среди нерусских этносов: если в конце 1990-х — первой половине 2000-х годов они поддерживали инкубентов в ответ на политику этнического фаворитизма, то после потери этнических преференций вынужденно продолжают сохранять лояльность в силу «поселенческого фактора». Как указывалось выше, маленькие размеры сельских поселений облегчают мониторинг и контроль со стороны администрации над электоральным поведением граждан, в то время как их удаленность и отсутствие наблюдателей облегчают электоральные манипуляции и фальсификации. Другими словами, политическая лояльность этнических меньшинств на современном этапе может вовсе не быть связана с этническим фактором, а определяться исключительно поселенческими

характеристиками, которые создают объективные и не связанные с этнокультурными параметрами благоприятные условия для политического давления и контроля.

Таким образом, анализ литературы позволяет выделить три основные причины воспроизводства политической лояльности в этнических республиках:

1. Политэкономический фактор в виде институциональной этничности.
2. Культурный фактор в виде плотных этнических сетей.
3. Поселенческий фактор в виде «сельского ядра», пересекающегося с местами компактного проживания этнических меньшинств.

Нетрудно заметить, что противоречие между этими тремя объяснениями связано с признанием разной роли этнического фактора в формировании политической лояльности. Культурный подход видит в самой этничности причину специфического электорального поведения, что подразумевает наличие высокой политической лояльности на индивидуальном уровне у всех представителей этнических меньшинств. Это означает, что последние в силу специфики своей этнической культуры будут демонстрировать высокую политическую лояльность, вне зависимости от места проживания.

Следовательно, гипотезы, отражающие данное теоретическое ожидание, можно сформулировать следующим образом:

Гипотеза I. *Нерусские этносы (вне зависимости от места проживания) значимо больше поддерживают инкумбентов¹, чем русские.*

Гипотеза II. *Нерусские этносы (вне зависимости от места проживания) демонстрируют значимо более высокую явку на выборах, чем русские.*

Напротив, с точки зрения политэкономического подхода электоральная лояльность этнических меньшинств есть лишь следствие институциональной этничности, поэтому ее можно ожидать только в этнических республиках, где феномен институциональной этничности присутствует. А следовательно, маловероятно, что на индивидуальном уровне нерусские этносы будут демонстрировать более высокий уровень лояльности.

Наконец, поселенческий подход обращает внимание на социально-демографические характеристики по линии «город — село» и утверждает, что этнический фактор вообще не играет роли при воспроизводстве политической лояльности. Следуя данному объяснению, можно предположить, что все этносы (как русские, так и нерусские), проживающие в селе, в равной мере будут демонстрировать более высокий уровень политической лояльности в сравнении с жителями городов. Данное утверждение можно сформулировать в виде следующих гипотез:

---

1. Поскольку далее в статистическом анализе мы используем данные о голосовании за политические партии в ходе федеральных парламентских выборов 2011 и 2016 годов, под термином «инкумбент» мы понимаем политическую партию, доминирующую в Государственной Думе РФ на момент проведения избирательной кампании. В обоих случаях 2011 и 2016 годов такой партией являлась «Единая Россия».

Гипотеза III. *Сельские избиратели (вне зависимости от этнической принадлежности) значимо больше поддерживают инкубентов, чем городские избиратели.*

Гипотеза IV. *Сельские избиратели (вне зависимости от этнической принадлежности) демонстрируют значимо более высокую явку на выборах, чем городские избиратели.*

Гипотеза V. *Нерусские этносы, проживающие в сельской местности, значимо больше поддерживают инкубентов, чем городские избиратели.*

Гипотеза VI. *Нерусские этносы, проживающие в сельской местности, демонстрируют значимо более высокую явку на выборах, чем городские избиратели.*

Данные, методы и операционализация переменных

Для проверки гипотез в данном исследовании мы используем как количественные, так и качественные данные. Метод множественной логистической регрессии применен для определения роли поселенческого фактора и влияния индивидуальной этничности на электоральный выбор избирателей, для чего мы используем данные опросов Европейского социального исследования (ЕСИ) (European Social Survey), которые проводятся в России с 2006 года. Их преимущество в том, что, в отличие от электоральной статистики, они позволяют измерить влияние этнической принадлежности и других параметров на электоральное поведение избирателей на индивидуальном, а не на региональном или локальном уровнях.

При проверке гипотез с помощью регрессионного анализа мы фокусируемся на выборах в Государственную Думу РФ 2011 и 2016 годов, поскольку этот период покрывает последнее десятилетие российской политики. Парламентские выборы 2011 года мы соотносим с опросом ЕСИ за 2014 год, по той причине, что опросник ЕСИ за 2012 год не включал вопроса про этничность респондента. Парламентские выборы 2016 года мы соотносим с опросом ЕСИ 2018 года, так как опрос проводился осенью 2016 года, а выборы в Государственную Думу — в декабре 2016 года. Для каждого года мы строим две группы моделей, с зависимой переменной «Единая Россия» и «Явка». Через эти переменные мы операционализируем уровень политической лояльности. Ключевые независимые переменные в наших моделях — это этничность (бинарная переменная «русский — нерусский»), тип поселения (город или село), а также интеракция между ними. В качестве контрольных переменных выступают пол, возраст, а также показатели институционального доверия и удовлетворенности политическим курсом. Последние переменные мы используем исходя из предположения, что уровень политической лояльности в виде высокой явки и электоральной поддержки инкубентов будет коррелировать с высокими показателями одобрения политического руководства и проводимой им политикой.

Список используемых переменных указан ниже:

«Единая Россия» (ЕР) — бинарная переменная, указывающая на голосование респондента за партию «Единая Россия» на выборах в ГД РФ 2011 и 2016 годов соответственно: «1» — за «Единую Россию», «0» — за любую иную. Построена на основе вопроса «За какую партию Вы голосовали на прошлых национальных выборах?», перекодирована в бинарную переменную, как указано выше.

Явка — бинарная переменная, указывающая на участие респондента в выборах в ГД РФ 2011 и 2016 годов соответственно: «1» — участвовал, «0» — не участвовал. Построена на основе вопроса «Вы участвовали в последних выборах?», перекодирована в бинарную переменную, как указано выше.

Русский — бинарная переменная, указывающая на этничность респондента: «1» — русский, «0» — иная этничность. Построена на основе вопроса «Этническое происхождение, первый вариант», перекодирована в бинарную переменную, как указано выше.

Город — бинарная переменная, указывающая на тип поселения, в котором проживает респондент: «1» — город, «0» — село. Построена на основе вопроса «Место жительства, со слов респондента», перекодирована в варианты «большой город», «пригород большого города» в «1», а «малый город», «село или деревня» — в «0».

Пол — бинарная переменная, указывающая на пол респондента: «1» — мужской, «2» — женский.

Возраст — число полных лет респондента на момент опроса.

Доверие к парламенту — измеряется по шкале от «0» (совершенно не доверяю) до «10» (совершенно доверяю).

Доверие к правовой системе — измеряется по шкале от «0» (совершенно не доверяю) до «10» (совершенно доверяю).

Доверие к судебной системе — измеряется по шкале от «0» (совершенно не доверяю) до «10» (совершенно доверяю).

Удовлетворенность руководством страны — измеряется как ответ на вопрос «Насколько Вы удовлетворены тем, как руководство страны выполняет свою работу?», по шкале от «0» (совершенно не удовлетворен) до «10» (совершенно удовлетворен).

Удовлетворенность демократией — измеряется как ответ на вопрос «Насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в стране?», по шкале от «0» (совершенно не удовлетворен) до «10» (совершенно удовлетворен).

Система образования — оценка респондентом системы образования, измеряется по шкале от «0» (очень плохо) до «10» (очень хорошо).

Сильное правительство — согласие респондента с высказыванием «Для него (для нее) важно, чтобы сильное государство обеспечивало его безопасность», по шкале от «1» (очень похож на меня) до «6» (не похож на меня).

Важность традиций — согласие респондента с высказыванием «Он (она) ценит традиции», по шкале от «1» (очень похож на меня) до «6» (не похож на меня).

Важность правил — согласие респондента с высказыванием «Для него (для нее) важно всегда вести себя правильно», по шкале от «1» (очень похож на меня) до «6» (не похож на меня).

С каждой зависимой переменной мы тестируем по три модели за каждый выбранный год, 2011 и 2016: 1) «пустую» модель только с независимыми и контрольными переменными (M1, M4, M7, M10); 2) «стандартную» модель, в которую добавляется интерактивный эффект между этничностью и типом поселения (M2, M5, M8, M11); 3) «расширенную» модель, в которую добавляются переменные институционального доверия и одобрения политического курса (M3, M6, M9, M12). Результаты анализа представлены в таблицах 1 и 2.

Основные результаты, полученные с помощью статистического анализа, мы проверяем на основе сбора и анализа качественных данных. Для нашего исследования это важно не только для того, чтобы эмпирически проверить наличие или отсутствие «этнических сетей» и выявить их роль в электоральных процессах, но и уточнить значение политэкономического фактора в виде институциональной этничности. Нет сомнений, что преференциальная политика в пользу отдельных этносов играла важную роль в формировании «этнического ядра» электоральной поддержки глав регионов в период 1990-х и первой половине 2000-х годов. Однако в современных условиях централизации и демонтажа основных атрибутов суверенитета этнических республик, а также ликвидации ключевых преференций нерусских этносов, природа и роль этнического фактора в электоральных процессах становятся не столь очевидными. Представляется, что данное объяснение как минимум требует уточнения и ответа на вопрос: какую роль этнические маркеры и политика этнического фаворитизма играют в современных условиях централизации?

Для этого нами были использованы данные полуформализованных экспертных интервью, собранных в четырех российских республиках: Башкортостане (N = 5), Дагестане (N = 3), Мордовии (N = 4) и Татарстане (N = 5). В качестве экспертов выступили как представители научно-педагогического сообщества, изучающие этнополитические проблемы своего региона, так и действующие политики — общественные активисты и лидеры национальных организаций. Так, экспертная группа Мордовии включала в себя представителей академического сообщества: три сотрудника Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, один — Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; все — женщины, со степенью кандидата или доктора наук. Экспертами в Республике Дагестан выступили: юрист по вопросам избирательных прав (женщина) и два общественных активиста (мужчины). В Башкортостане были опрошены два лидера национальных организаций (мужчины), два научных сотрудника Уфимского научного центра РАН (мужчины) и журналист, специализирующийся на этнополитической проблематике (мужчина). Группа экспертов в Татарстане включала в себя одного научного сотрудника Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (женщина), трех профес-

соров кафедры политологии Казанского государственного университета и одного общественного активиста, члена молодежной секции Всемирного конгресса татар.

Кроме того, в период с сентября по октябрь 2020 года нами были проведены три фокус-группы в трех селах: две в Республике Башкортостан (села Чекмангуш и Якшимбетово) и одна в Республике Татарстан (село Актаныш). Выбор указанных республик обусловлен следующим. С одной стороны, два региона во многом схожи друг с другом с точки зрения основных структурных факторов: исторического наследия, культурных и религиозных традиций, географической локализации. Оба региона на протяжении почти всего постсоветского развития являлись хрестоматийными примерами субнационального авторитаризма и демонстрировали высокий уровень электоральной мобилизации и лояльности. Вместе с тем начиная с 2010 года политическое развитие Башкортостана и Татарстана стало существенно различаться. Разные сценарии ротации региональных глав (Sharafutdinova, 2015) привели к тому, что политическая машина в Башкортостане начала давать сбои, в то время как в Татарстане она продолжает приносить электоральное сверхбольшинство (Shkel, 2021). Данная вариация крайне интересна с методологической точки зрения, поскольку позволяет не только описать электоральные практики на местах, но и сравнить их, причем не только в кросс-региональном, но и кросс-темпоральном измерении.

Логика селекции конкретных сел для проведения фокус-групп определялась тем, что прежде всего нам необходимы были этнически гомогенные поселения, в которых вероятность обнаружения этнических сетей выше. Село Якшимбетово Куюргазинского района, расположенное на юге Башкортостана, является чисто башкирским и отражает это условие. То же самое можно сказать о селе Актаныш одноименного района Татарстана, в котором доминирующим этносом являются татары. Кроме этого, в выборку было включено село Чекмангуш, которое, в отличие от двух предыдущих, имеет специфику: несмотря на локализацию в Башкортостане, доминирующий этнос в нем татары. Интерес к такому кейсу вызван стремлением учесть специфику Башкортостана, где «титульный» этнос не составляет большинства, и татары наряду с русскими представляют сопоставимую им по численности этническую группу. Кроме того, включение подобной «контрольной» группы открывает возможности сравнительного анализа схожих этнических групп, но проживающих в разных политических и социокультурных условиях.

Каждая из трех фокус-групп состояла из 12 респондентов, которые были разнообразны по возрасту, полу, профессии и другим демографическим характеристикам, но представляли единую этническую группу. Всем группам задавался одинаковый набор вопросов, но с уточняющим «зондированием» в зависимости от ответов и хода дискуссии. Основной пул вопросов был сфокусирован на восприятии респондентами электоральных практик с целью выявления влияния этнического или иных факторов на мотивацию их участия в избирательном процессе. Общий гайд фокус-группы включал в себя три основных содержательных блока. Сначала мы задавали самые общие вопросы о мотивах участия/неучастия в выборах с це-

люю выявления основных детерминант политической активности на селе и роли в этом этнических сетей. Затем, преследуя схожие цели, переходили к обсуждению мотивации политического выбора. Наконец, задавались вопросы, направленные на измерение важности этнического фактора для респондентов, чтобы понять роль и возможности политики этнического фаворитизма в современных условиях. В среднем продолжительность каждой фокус-группы составила 1 час 10 минут.

Мотивация политической активности

Результаты регрессионного анализа с переменной «уровень явки» на выборах в качестве зависимой показывают, что тип поселения более значим, чем влияние этничности на явку (см. табл. 1). В «пустых» моделях (M1 и M4) мы видим слабый, но все же значимый эффект села на явку и в 2011, и в 2016 году. Другими словами, количественный анализ позволяет утверждать, что явка на выборах в селах выше, чем в городах.

Таблица 1. Влияние этничности на явку на выборах в ГД РФ в 2011 и 2016 гг.

	2011			2016		
	M1	M2	M3	M4	M5	M6
(Intercept)	-0,94 (0,23)***	-1,15 (0,25)***	-1,16 (0,34)***	-1,88 (0,24)***	-1,95 (0,27)***	-1,86 (0,40)***
Русский	0,28 (0,15)*	0,52 (0,18)***	0,55 (0,20)***	-0,27 (0,18)	-0,20 (0,22)	-0,11 (0,27)
Город	-0,25 (0,09)***	0,33 (0,29)	0,36 (0,32)	-0,15 (0,09)*	0,02 (0,35)	-0,09 (0,4)
Доверие к правовой системе						0,03 (0,02)
Доверие к парламенту			0,14 (0,02)***			0,1 (0,03)***
Удовлетворенность демократией			0,09 (0,03)***			0,02 (0,02)
Система образования			-0,07 (0,03)***			-0,04 (0,02)
Сильное правительство			-0,08 (0,05)			-0,14 (0,05)***
Важность традиций			-0,12 (0,04)***			-0,06 (0,04)
Важность правил						0,01 (0,04)
Русский*Город		-0,65 (0,30)**	-0,69 (0,34)**		-0,18 (0,36)	-0,07 (0,41)
Пол	0,05 (0,09)	0,06 (0,09)	-0,01 (0,11)	0,27 (0,09)***	0,27 (0,09)***	0,26 (0,11)**

Возраст	0,03 (0,00)***	0,03 (0,00)***	0,03 (0,00)***	0,04 (0,00)***	0,04 (0,00)***	0,04 (0,00)***
<i>N</i>	2194	2194	1889	2246	2246	1770
<i>R</i> ² <i>T</i> <i>j</i> <i>u</i> <i>r</i>	0,055	0,057	0,102	0,126	0,127	0,14
<i>AIC</i>	2722,488	2719,881	2251,571	2821,313	2823,060	2216,022

Примечание: * $p \leq 0,1$; ** $p \leq 0,05$; *** $p \leq 0,01$.

Более сложные модели показывают менее однозначные результаты (рис. 2, 3). Если в 2016 году значимой интеракции выявлено не было, то результаты 2011 года показывают, что значимая разница в электоральной активности между городскими и сельскими жителями проявляется только в случае с русскими этносами: русские в деревнях проявляют электоральную активность выше, чем русские в городах и нерусские этносы в любом типе поселения.

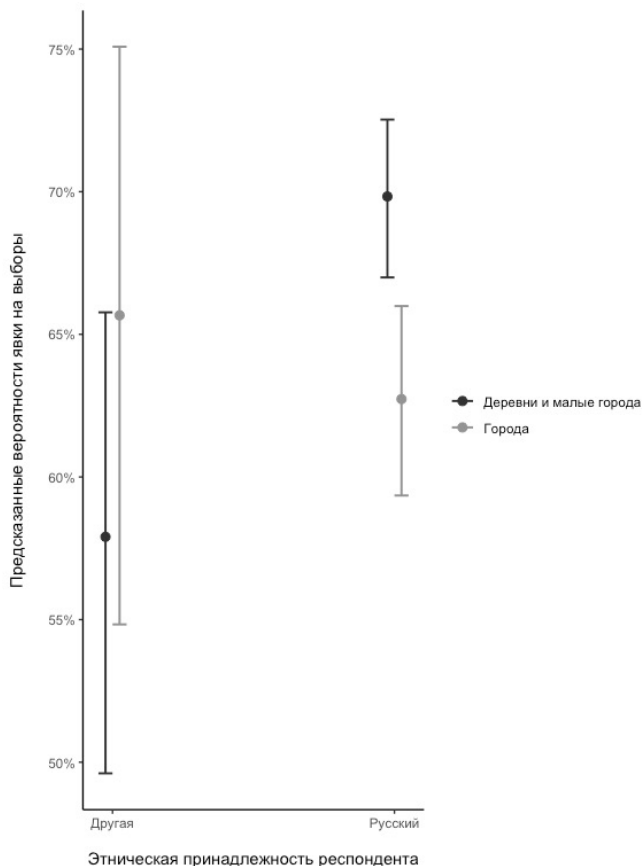

Рис. 2. Предсказанные вероятности явки на выборы в 2011 году в зависимости от этнической принадлежности респондента и типа поселения («пустая» модель с интеракцией)

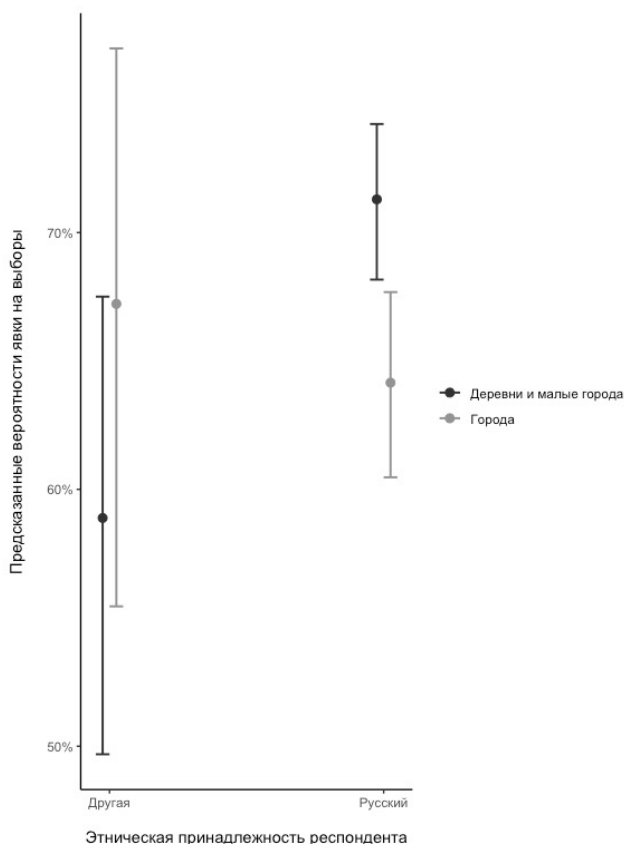

Рис. 3. Предсказанные вероятности явки на выборы в 2011 году в зависимости от этнической принадлежности респондента и типа поселения («полная» модель с интеракцией)

Таким образом, количественный анализ опроверг гипотезы II и VI, согласно которым нерусские этносы демонстрируют более высокую явку, чем русские. Одновременно он подтвердил гипотезу IV, согласно которой сельские жители (вне зависимости от этнической принадлежности) проявляют более высокую электоральную активность, чем горожане. Можно сделать вывод, что поселенческий фактор является более важным объяснительным предиктором явки, чем этническая принадлежность, что подтверждает поселенческую теорию и опровергает культурологический подход.

Качественные данные подкрепляют этот вывод. Абсолютное большинство участников всех трех фокус-групп принимали регулярное участие в выборах

и в целом подтвердили факт довольно высокой явки на селе. Объясняя причины этого, они разделились на две примерно одинаковые подгруппы. Члены первой подгруппы объясняли свое участие культурой, воспитанием и личной гражданской ответственностью. Они указывали, что тем самым они подают хороший пример своим детям. Характерными репликами были следующие: «Вот она учительница, я в детском садике работала. Мы же подаем пример детям! Если мы не пойдем, то я считаю, что это плохо». «Мне сейчас 80 лет, и я с 18 лет всегда на выборы хожу. Выборы нас кормят, пенсию платят. Выборы — это важно!» «Я всегда хожу на выборы, потому что это наша обязанность».

Респонденты второй подгруппы, в целом представляющие более молодое поколение, заявили, что ходят только потому, что их заставляют это делать. Один из участников отметил, что «на селе большинство людей зависимы от местных чиновников или олигархов. Городские более независимы. Они могут потерять сегодня работу, а завтра новую найти. А здесь мы закреплены как в феодальном обществе. Если их уволят, куда они пойдут?». По мнению другого респондента: «На селе больше пожилых людей, и они более ответственны. Они привыкли ходить на выборы. В городе даже соседей по лестничной клетке никто не знает. А тут все знают и видят друг друга. Я вижу, что все соседи пошли на выборы, и думаю: все пошли, и я должен сходить». Однако наиболее часто респонденты объясняли факт своего участия в выборах мониторингом и контролем со стороны членов участковой комиссии. Типичным ответом был следующий: «На селе все друг друга знают и все друг друга видят. Если вы не пришли, то вас могут вызвать и позвонить». Респонденты во всех трех группах подтвердили распространенность практик, когда к вечеру члены избирательной комиссии, которые имеют список отсутствующих, начинают обзванивать их и приглашать на выборы. Один из респондентов так описывает эту ситуацию: «Члены избирательной комиссии знают, где мы живем, и знают номера наших телефонов. Если к вечеру, к примеру, он не пришел на выборы, то они звонят ему и говорят: „У нас явка всего 60%, вы что там, спите, что ли? Приходите голосовать!“ И он идет, просто, чтобы показаться хорошим». Другая участница обсуждения в Башкортостане подтвердила, что сталкивалась с такими звонками: «Мне звонили однажды и сказали, что пока вы не придете на выборы, мы не сможем уйти домой. И я пошла. Потому что мне неудобно создавать неприятности своим сельчанам». В Татарстане описали схожие практики. «В селе все друг друга знают. И члены комиссии ближе к 20:00 начинают обзванивать всех и спрашивать: „Время почти 20:00, почему до сих пор не проголосовал?“ Если же вы все-таки не пришли, то члены комиссии с избирательной корзиной сами к вам домой придут».

Один из респондентов указал, что играет роль тип выборов. Когда проходят выборы местных депутатов и есть конкуренция среди своих, то никого заставлять не надо, потому что по призыву кандидатов на выборы пойдут голосовать его родственники и сторонники. А вот для обеспечения явки на федеральных выборах,

к которым у местного населения интереса меньше, приходится включать административный нажим и обзванивать тех, кто не пришел.

Схожее мнение высказывали эксперты из Дагестана, которые считали, что в условиях пестрой этнической структуры общества и сохранения межэтнических, клановых расколов местные выборы отличаются особой конкуренцией и высокой явкой избирателей. Происходит это потому, что граждане в таких условиях имеют личные интересы репрезентации своего клана или этноса в структурах власти и поэтому легко отзываются на призывы местных клановых авторитетов или лидеров этнических сообществ поддержать их в избирательном процессе. Хотя такая логика политической активности характерна прежде всего для локальных и региональных выборов, она может проявить себя и в федеральных избирательных кампаниях в случае, если лидеры указанных социальных структур призывают поддержать каких-либо федеральных политических акторов.

На фокус-группах в Башкортостане указывалось также, что у сельских жителей, по сравнению с горожанами, другой менталитет. Любопытно, однако, что в этой же группе одна из участниц заявила, что, живя в городе в течение пяти лет, она на выборы не ходила, но вернувшись в село, вновь стала ходить. Данное высказывание, на наш взгляд, довольно показательное и говорит о том, что, несмотря на отсылки к таким понятиям, как воспитание или менталитет, на практике сельские жители руководствуются рациональным выбором и в отсутствие внешних факторов в виде контроля или давления могут легко менять электоральное поведение. Это ставит под сомнение сильное влияние некой патриархальной культуры и, скорее, указывает на роль поселенческой структуры, создающей разные возможности для политического давления и контроля.

На вопрос о том, могут ли местные власти как-то наказать тех, кто не ходит на выборы, мнение респондентов разделилось. Респонденты «контрольной» группы указывали, что это возможно сделать через увольнение с работы, что для каждого жителя села критически важно, поэтому политический прессинг наиболее сильно чувствуют не пенсионеры, а работающие люди. Как заявила одна из участниц: «Нас на работе руководители заставляли [ходить на выборы. — Прим. авт.], непосредственно за день до выборов напоминали и угрожали». Другая участница дополняла: «Всех работников нефтяных предприятий, бюджетных организаций обязательно за день до голосования собирают и напоминают о необходимости идти на выборы. Некоторые начальники даже требуют голосовать за партию власти и сфотографировать бюллетень после голосования как подтверждение не только участия, но и „правильного“ голосования». Участники опроса указывали, что на каждом избирательном участке есть список, по которому можно определить личность и место работы абсентеистов. По мнению респондентов, после выборов список всех тех, кто не пришел на выборы, отправляется их работодателям. Формой наказания может выступать отказ руководителей в награждении государственными статусами (например, присуждение звания заслуженных учителей, награжде-

ние почетными грамотами и т. п.) или продвижении по службе работников, уличенных в «оппозиционности».

Вместе с тем привести реальные примеры подобных увольнений или наказаний респонденты не смогли. Скорее, их слова отражали их опасения, чем реальные практики. Участники «стандартных» групп в Башкирии и Татарии отрицали факты наказания людей за неучастие в выборах. По их словам, местные власти используют не наказание, а уговоры и мягкие способы убеждения. Члены избирательных комиссий не грубят и не угрожают. Когда они звонят с просьбой прийти на выборы, они, скорее, выражают обеспокоенность о здоровье и спрашивают: не заболел ли человек? Нужно ли ему помочь и прийти к нему домой, чтобы он смог проголосовать? Таким образом, в целом при реализации подобных практик для повышения явки больше используются моральные доводы в вежливой форме, чем грубое давление или угрозы.

Респонденты подтвердили, что всегда отвечают взаимностью на подобные просьбы, поэтому затруднились назвать факты наказания за отказ: «Мы никогда не переходили такую черту, и если просят прийти, мы приходим». Участник беседы в Татарстане так объясняет мотивацию политического участия: «Скорее, это просто психологически давит. Мы все друг друга знаем и не хотим, чтобы из-за меня моего соседа, который ответственен за явку, ругали. То есть никого никак, скорее всего, не накажут, но это просто неприятно, когда ругают тех, кого ты знаешь лично». Другой характерный ответ: «Если не пойдешь на выборы, то председатель сельсовета и члены администрации будут косо на тебя смотреть. И ты будешь чувствовать себя отшельником».

Факты поощрения и прямого материального вознаграждения за выборы все респонденты отрицали. Из представленных ответов видно, что сравнительно высокая явка в этнических селах связана не столько с какими-либо этническими культурными паттернами, сколько со спецификой сельской социальной структуры. Плотность социальных сетей в виде тесной коммуникации между местной администрацией и избирателями действительно обнаруживается, но вызвана она не спецификой этнической культуры, а объективными демографическими и поселенческими параметрами. Во-первых, на селе сравнительно высока доля пожилых людей, которые добровольно ходят на выборы в силу своего воспитания. Этот стереотип поведения связан, скорее, с советским наследием, чем отражает какую-либо этническую специфику. Во-вторых, более молодая и критически настроенная часть электората вовлекается в избирательный процесс в результате плотного мониторинга и контроля со стороны членов избирательной комиссии, что опять же обуславливается не какими-либо этнокультурными особенностями, а спецификой сельских поселений. Небольшие размеры поселений позволяют администрации контролировать и стимулировать электоральную активность, причем стимулы используются преимущественно мягкого характера в виде вежливых просьб и уговоров.

Экспертные интервью подтвердили эти выводы. Так, например, в Республике Мордовия опрошенные специалисты не склонны связывать формирование электорального сверхбольшинства в этом регионе с влиянием этнического фактора. Куда большую роль в этом играет демографическая структура региона в виде сравнительно высокой доли сельских жителей. Именно сельские избиратели определяют высокий уровень политической мобилизации, поскольку именно аграрные районы демонстрируют особенно высокую явку, нередко достигающую 90%.

Таким образом, сравнительно высокая явка в этнических селах обуславливается не функционированием неких «плотных этнических сетей», которые никак не обнаруживаются на уровне ответов респондентов, а, скорее, есть результат объективных параметров сельского уклада жизни в виде сравнительно большой доли пожилого населения и высокой интенсивности межличностных коммуникаций.

Мотивация политического выбора

Теперь мы переходим к анализу регрессионных моделей, в которых в качестве зависимой переменной используется уровень электоральной поддержки партии «Единая Россия». Как следует из представленных результатов (см. табл. 2), и в 2011, и в 2016 году индивидуальная этничность не влияет на поддержку ЕР почти во всех моделях. Это позволяет отвергнуть гипотезу I о том, что нерусские этносы, вне зависимости от места проживания, будут поддерживать инкубентов больше, чем русские. Влияние же типа поселения еще более выражено: в 2011 году сельские избиратели были чаще склонны поддерживать ЕР, в 2016 году эта поддержка слабо значима только в одной модели (M10). Таким образом, разница в голосовании за ЕР между городскими и сельскими избирателями в 2016 году в сравнении с 2011 годом стала совсем незначительной. Тем не менее эти результаты скорее подтверждают гипотезу III о том, что сельские жители, вне зависимости от этнической принадлежности, значимо больше поддерживают инкубентов.

Таблица 2. Влияние этничности на голосование за «Единую Россию» на выборах в ГД РФ в 2011 и 2016 гг.

	2011			2016		
	M7	M8	M9	M10	M11	M12
(Intercept)	0,97 (0,34)***	1,49 (0,42)***	0,21 (0,48)	0,19 (0,35)	0,29 (0,40)	-1,13 (0,54)**
Русский	0,01 (0,22)	-0,55 (0,34)	-0,63 (0,36)*	-0,18 (0,25)	-0,27 (0,31)	0,19 (0,37)
Город	-0,29 (0,13)**	-1,33 (0,44)***	-1,26 (0,47)***	-0,21 (0,13)*	-0,45 (0,50)	-0,43 (0,56)
Доверие к правовой системе						-0,03 (0,03)
Доверие к парламенту						0,07 (0,04)*

Доверие к судебной системе			0,05 (0,03)			
Удовлетворенность руководством страны			0,05 (0,04)			0,19 (0,04)***
Удовлетворенность демократией			0,16 (0,04)***			0,01 (0,04)
Система образования						0,06 (0,03)
Сильное правительство						-0,05 (0,06)
Русский*Город		1,14 (0,46)**	1,23 (0,52)**		0,26 (0,52)	0,20 (0,59)
Пол	0,85 (0,13)***	0,85 (0,13)***	0,89 (0,14)***	0,35 (0,13)***	0,35 (0,14)***	0,29 (0,16)*
Возраст	-0,02 (0,00)***	-0,02 (0,00)***	-0,03 (0,00)***	-0,00 (0,00)	-0,00 (0,00)	-0,01 (0,00)*
N	1278	1278	1158	1055	1055	844
R ² Tjur	0,062	0,067	0,123	0,009	0,010	0,097
AIC	1464,054	1459,767	1269,598	1419,383	1421,135	1086,649

Примечание: * $p \leq 0,1$; ** $p \leq 0,05$; *** $p \leq 0,01$.

Включение интерактивных эффектов между этничностью и типом поселения показывает, что влияние этничности на исход выборов зависит от типа поселения в 2011 году: нерусские избиратели в селах больше голосуют за ЕР (М8–М9, М11–М12, рис. 4, 5). При этом аналогичный тренд наблюдается и в случае с этнически русским населением. Однако пересекающиеся доверительные интервалы позволяют сказать, что в этом случае выявленный тренд статистически незначим. В 2016 году такой тренд и вовсе не наблюдается для обеих этнических групп.

Таким образом, количественный анализ позволяет сделать вывод, что, в отличие от явки, этнический фактор во взаимосвязи с типом поселения оказывает влияние на уровень электоральной поддержки инкубентов. По крайней мере, в 2011 году нерусские этносы, проживающие на селе, значимо больше поддержали ЕР, чем русские, что подтверждает гипотезу V, хотя даже в этом случае фактор поселения играет более важную роль, чем этничность. Тем не менее это не дает права полностью игнорировать этнический фактор и ставит вопрос о каузальном механизме влияния этнической принадлежности на мотивацию политического выбора. Второй вопрос, который вытекает из полученных результатов, связан с причинами исчезновения влияния этнического фактора на выборах 2016 года. Частично получить ответы на эти вопросы мы попытались с помощью анализа качественных данных.

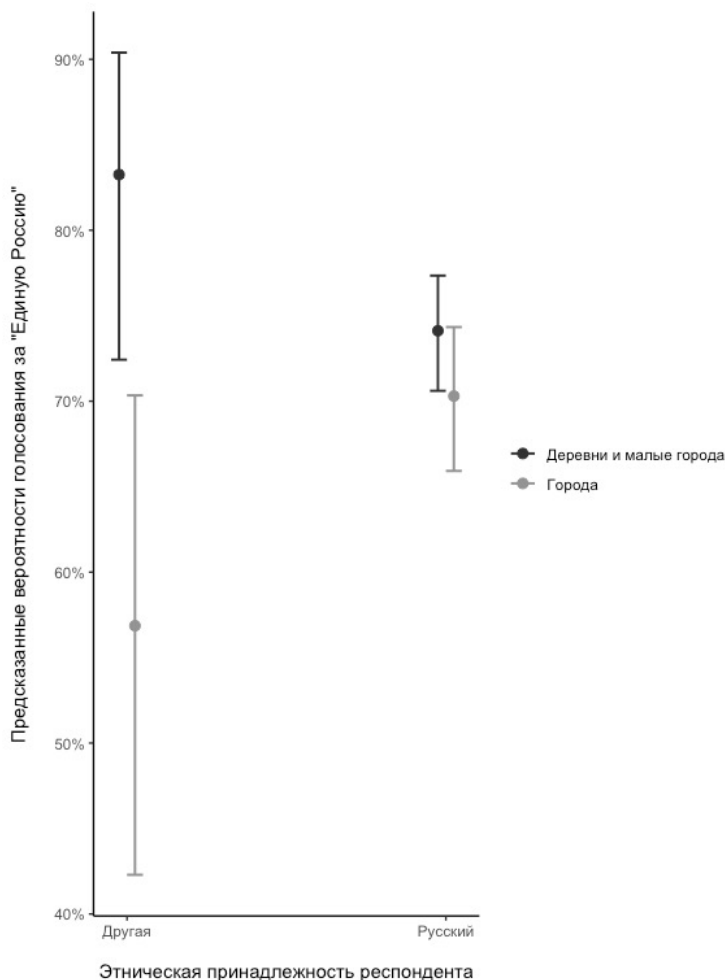

Рис. 4. Предсказанные вероятности голосования за «Единую Россию» в 2011 году в зависимости от этнической принадлежности респондента и типа поселения («пустая» модель с интеракцией)

При проведении фокус-групп мы стремились раскрыть механизм влияния этничности на мотивацию политического выбора. Мы начинали с определения степени важности для респондентов при политическом выборе этнической принадлежности кандидата и вопрос звучал так: «Считаете ли Вы, что главой вашей республики должен быть исключительно представитель титульной национальности?» Ответы респондентов в «контрольной» и «стандартных» группах оказались различными. Группа татар, проживающих в Башкортостане, не склонна артикулировать роль этничности кандидата, они отрицали, что это имеет значение при

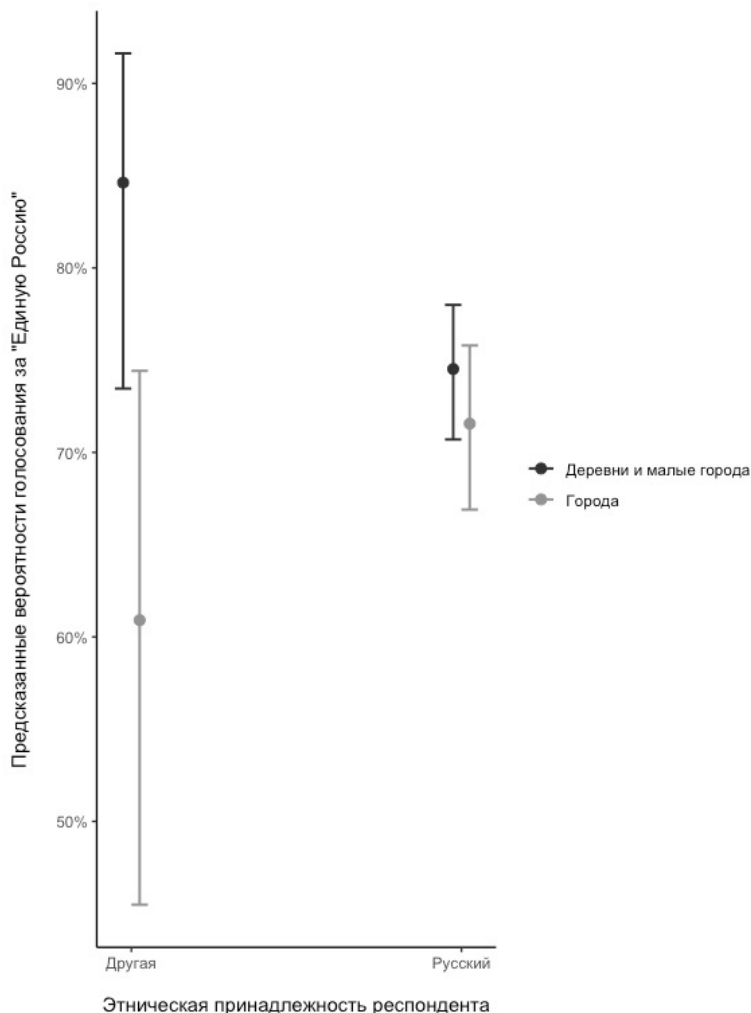

Рис. 5. Предсказанные вероятности голосования за «Единую Россию» в 2011 году в зависимости от этнической принадлежности респондента и типа поселения («полная» модель с интеракцией)

их политическом выборе. Вспоминая, что в 2003 году на региональных выборах президента Башкортостана они поддержали Р. Сафина (татарина по национальности), они отрицают, что его этническая принадлежность имела значение, настаивая, что сделали выбор в его пользу исключительно в силу его деловых и человеческих качеств. Почти единогласно собеседники этой группы допускали для себя проголосовать за русского на пост главы Башкортостана и в целом не считают, что

этническая принадлежность должна иметь значение в вопросе о кандидатуре на должность главы этнических республик.

Согласно экспертным оценкам специалистов Мордовии, в этой республике большинство населения, в том числе представители мордовского этноса, демонстрируют схожую терпимость к представителям иных этнических групп и безразличие к национальности главы региона. Как они отметили, в Мордовии уже был прецедент занятия поста главы республики русским и в целом этот факт региональное население восприняло спокойно.

В «стандартных» группах мы обнаружили доминирование диаметрально противоположной позиции. В башкирской группе в Башкирии собеседники единогласно считают, что главой Башкирии должен быть только башкир: «Башкира только башкир поймет». Схожим образом татарская группа в Татарии (за редким исключением) высказала точку зрения, согласно которой главой республики должен быть только татарин: «В Татарстане главой должен быть только татарин. Как в Татарстане может быть президентом человек с именем Иван? Это неправильно».

Из дополнительных вопросов стало понятно, что равнодушие к этнической принадлежности политиков, которое продемонстрировали татары, проживающие в Башкортостане, объясняется их недовольством региональной этнокультурной ситуацией. В частности, они высказывали претензии к «засилью башкирского языка в СМИ» и дефициту социокультурной среды для воспроизводства татарского языка. Они приветствовали отмену обязательного изучения государственных языков титульных этносов в республиках, состоявшееся по инициативе В. Путина летом 2017 года, но жаловались, что до сих пор в реальности директора и учителя в школах продолжают навязывать их детям изучение башкирского, а не татарского языка. Таким образом, представляется, что толерантность данной группы по этому вопросу на самом деле имеет этническую природу и вызвана желанием изменить ситуацию в этноязыковой сфере. Вероятно, спокойное отношение татар в Башкирии к замене в качестве главы республики башкира на русского имеет под собой рациональное желание избавиться от необходимости изучать башкирский язык и питает надежду повысить статус татарского языка в регионе их проживания.

Схожая логика влияния этнического фактора на электоральные предпочтения была описана экспертами в Дагестане. Они отмечали, что в целом этническая принадлежность политиков для всех этносов республики имеет значение, однако степень важности этого фактора зависит от положения конкретных этнических групп. Так, например, кумыки были выделены как более политизированный этнос, политический выбор которого обуславливается конкуренцией с другими этносами. Преследуя цель повышения статуса своего этнического сообщества, кумыки часто голосуют за русских кандидатов, чтобы ослабить политическое влияние других этнических конкурентов, поэтому в своем политическом выборе внешне они могут быть более толерантными, однако, опять же, в основе такой терпимости находится этноцентризм. Кроме того, данный фактор часто может работать на

то, что кумыки сравнительно больше настроены поддерживать федеральных инкумбентов. Следовательно, этнический интерес иногда может объяснять природу политической лояльности. Однако учитывая тот факт, что кумыки не являются доминирующей этнической группой в Дагестане, вряд ли данный аспект может объяснить в полной мере высокую электоральную поддержку партии власти, которую демонстрирует большинство дагестанского населения.

Пытаясь понять причины важности этнического фактора в политическом выборе для респондентов в «стандартных» группах, мы обнаружили, что они воспринимают этническую принадлежность главы республики как символ сохранения особого статуса их этноса. Это, в свою очередь, вселяет в них надежду, что, несмотря на давление центра, «свой» глава республики сможет «смягчить» прессинг Москвы и защитить их культуру. Решение по отмене обязательного изучения в республиканских школах языков нерусских этносов респонденты данных групп оценивают крайне негативно и указывают, что именно это решение укрепило их во мнении, что главой их республики должен быть исключительно представитель их этноса. Так, участник группы в Татарстане рассуждал следующим образом: «Все-таки Р. Минниханов пытается защитить татарский язык от Москвы, и немного ему удастся это делать. Это говорит о том, что лучше пусть будет татарин президентом Татарстана. Иначе защиты ждать не приходится». Другой респондент уверенно заявил: «Если главой Татарстана будет русский, то через 10 лет татарского языка вообще не будет».

В обоих «стандартных» группах респонденты считают, что вопросы сохранения и развития их культуры для них важнее, чем экономические проблемы. В Башкирии участники отвергли возможность поддержать русского кандидата на должность главы республики, даже если он может повысить экономическое благосостояние жителей Башкирии. Большинство заявили, что, несмотря на накопившиеся претензии к действующему главе Башкортостана Р. Хабирову, они поддержат его на следующих выборах в случае, если он будет единственным башкиром, участвующим в избирательной гонке. Другими словами, они проголосуют за него просто потому, что он башкир.

В Татарстане респонденты еще в большей степени выражают политическую лояльность действующему главе Р. Минниханову и поддерживают его политику, даже несмотря на то что по многим вопросам ему не удастся парировать атаки Москвы. Как объяснял один из участников разговора: «Если бы он выступал слишком резко, то его могли бы убрать и поставить более лояльного. И нам было бы еще хуже. Поэтому я поддерживаю эту тонкую политику. Пусть лучше он будет. Мы же видим, что бывает в других республиках».

Представленные суждения наглядно демонстрируют, что этнический фактор продолжает играть важную роль в электоральных процессах. Даже в условиях централизации, когда главы республик существенно ограничены в дистрибуции предпочтений для нерусских этносов, логика этнического фаворитизма оказывает влияние на мотивацию политического выбора избирателей. Для последних эт-

ническая принадлежность глав республики по-прежнему является гарантией защиты их этнокультурной автономии, и политические акторы могут использовать этот фактор как преимущество, создавая «этническое ядро» своей электоральной поддержки. Более того, политическая лояльность, формируемая на основах этничности, может быть использована главами республик для поддержки неэтнических акторов в виде федерального президента и партии власти. Речь идет о том, что в таких условиях электорат нерусских этносов может быть более отзывчивым к призывам главы региона поддержать федеральных политических игроков просто в силу опасения нарушить статус-кво, так как это может привести к замене действующего главы региона на «варяга» или представителя иной этнической группы. Таким образом, этнический фактор и его влияние на воспроизводство политической лояльности сохраняются, но больше связаны с феноменом институциональной этничности в трактовке Г. Хейла, чем этнокультурными особенностями. Подобно логике самоцензуры, описанной выше, лояльность по отношению к федеральным игрокам по призыву главы республики, скорее, объясняется страхом и желанием избежать ухудшения ситуации, которая в понимании нерусских этносов ассоциируется с заменой действующего главы на «чужака». Их поддержка федеральных инкубентов в этом смысле может трактоваться как клиентелистский обмен, но в основе которого нет ожидания прямой материальной награды, но есть демонстрация лояльности, которая должна удержать Москву от дальнейшего демонтажа региональной автономии и привести к сохранению текущего положения дел.

Вместе с тем данные фокус-групп показывают, что влияние этого эффекта на современном этапе существенно ослаблено. Если раньше нерусские этносы, пользуясь преференциями и автономией, действительно поддерживали федеральных игроков в качестве благодарности за сохранение этих благ, то после обострения языковой проблемы большинство представителей нерусских этносов оценивают федеральную власть довольно критично. Поэтому если ранее нерусские этносы были очень чувствительны к сигналам региональных властей по поддержке федеральных инкубентов и реагировали на эти призывы позитивно, то на современном этапе эта реакция уже не является достаточно консолидированной. И хотя данные фокус-групп демонстрируют, что прессинг Кремля привел к повышению лояльности нерусских этносов в отношении главы региона, его призывы поддержать ЕР и других федеральных игроков уже не находят столь безоговорочную поддержку. Это, возможно, объясняет результаты количественного анализа, согласно которым нерусские этносы, проживающие на селе, в 2011 году существенно больше поддерживали ЕР. В то время как на выборах 2016 года влияние этнического фактора перестало себя проявлять.

Резюмируя, можно выделить следующие основные выводы анализа качественных данных:

1. Мы нашли подтверждения существования сравнительно более плотных социальных сетей в этнических селах, которые серьезно влияют на политическую

активность избирателей. Вместе с тем полученные данные скорее говорят о том, что плотность этих сетей обусловлена поселенческой спецификой сельской местности, чем этнокультурными факторами.

2. Степень значимости этнического фактора в различных республиках разная, но в тюркских и кавказских регионах он продолжает играть важную роль в электоральных процессах. Однако его проявление связано не со спецификой этнокультурной среды, а с феноменом институциональной этничности, которая проявляет себя в более высоком уровне политической лояльности «титовых» этносов к политикам, представляющим их этническую группу. Природа этой лояльности, однако, связана не с патриархальными нормами культуры и влиянием традиционных этнических сетей, а с национальной консолидацией нерусских этносов и наличием у них довольно высокого уровня национального самосознания, для которого культурные атрибуты имеют самостоятельное значение. Более того, защита культуры видится в тесной взаимосвязи с сохранением политической автономии республик, поэтому язык и другие элементы культуры эти этносы рассматривают как политические символы суверенитета, которые должны быть институционально оформленными и защищенными на государственном (республиканском) уровне. Этнический фактор в этом смысле скорее предстает как элемент модерна в виде этнонационализма, а не патриархального рецидива в виде традиционных институтов родоплеменного или кланового характера.

Заключение

Почему многие этнические республики демонстрируют столь высокие показатели явки и электоральной поддержки представителей власти в современной России? Наше исследование показывает, что на этот вопрос нет простого ответа. Для изучения роли этнического фактора, влияния этнокультурных норм и других социальных параметров на электоральное поведение мы применили регрессионный анализ. Спецификой нашего подхода при проведении статистического анализа является использование данных социологических опросов, а не официальной электоральной статистики, что позволило измерить влияние этнической принадлежности на электоральное поведение на индивидуальном, а не агрегированном уровне. Главный результат количественного анализа демонстрирует, что индивидуальная этничность не является значимым фактором электорального поведения в отличие от институциональной этничности. Иными словами, связка между этничностью и выборами появляется только в институциональном контексте республик, а вне его нерусские избиратели мало чем отличаются от русских. Кроме того, играют важную роль демографические характеристики, а именно тип поселения (город — село). Политическая лояльность избирателей в большей степени определяется спецификой сельского уклада жизни, чем этнокультурными факторами.

Другой особенностью нашей исследовательской стратегии стало дополнение количественного анализа исследованием качественных данных. Хотя посредством

статистических процедур можно заставить цифры «заговорить», не стоит игнорировать возможность получения информации от самих людей, вовлеченных в конкретные электоральные практики. До сих пор мы крайне мало знаем о том, как сами сельские жители из числа нерусских этносов воспринимают избирательный процесс, поэтому мы дополнили количественный анализ качественными данными, собранными в результате трех научных экспедиций в башкирские и татарские села.

Это позволило эмпирически проверить теорию о роли этнических сетей в воспроизводстве политической лояльности, а также уточнить роль этнического фактора в современных российских электоральных процессах. Качественные данные подтвердили результаты количественного анализа об отсутствии проявления завышенной политической лояльности у нерусских этносов на индивидуальном уровне. В целом фокус-группы показали, что избиратели башкирских и татарских районов существенно не отличаются от русских и горожан с точки зрения мотивации политического выбора. Наличие каких-либо специфических социальных структур в виде патриархальных иерархий или иных традиционных институтов, оказывающих влияние на электоральное поведение его членов, не обнаружено. Мы нашли подтверждение более плотных социальных сетей на селе, которые обусловлены не этнокультурной спецификой, а особенностями сельского уклада жизни: небольшая численность жителей и прозрачность межличностных отношений здесь действительно облегчает организаторам выборов добиваться высокого уровня явки.

Вместе с тем нельзя утверждать, что этнический фактор на современном этапе совсем утратил свое значение, скорее, можно говорить о трансформации его влияния. Фокус-группы и экспертные интервью показали, что этническая принадлежность политиков продолжает играть важную роль при политическом выборе для нерусских этносов и это означает, что политика этнического фаворитизма сохраняет свой потенциал. Однако если раньше электоральная поддержка главы региона со стороны нерусских этносов обуславливалась ожиданиями «клубных благ» в виде этнических преференций, то в современных условиях избиратели скорее ждут сохранения уже существующих этнических бонусов, не претендуя на их расширение. Тенденции централизации, сокращающие политическую и культурную автономию этнических меньшинств в современной России, усиливают мотивацию последних поддерживать политиков, представляющих их этническую группу. Главы республик схожей этнической принадлежности воспринимаются нерусскими этносами как защитники их этнокультурных преференций. Политическая лояльность на основах этнических предпочтений настолько велика, что главы республик вполне могут проецировать эту поддержку на неэтнических игроков в виде партии власти или российских президентов. Это объясняет устойчивость политической лояльности этнических республик в отношении федеральных акторов. Вместе с тем как количественные, так и качественные данные показали, что влияние этого фактора в последнее время теряет свою силу. Сокращение автономии

и обострение языковой проблемы в республиках по инициативе Кремля существенно повысили градус недовольства федеральной властью со стороны нерусских этносов, что сокращает возможности контроля региональных властей над электоратом.

Наконец, нельзя не признать, что проведенное исследование имеет ряд ограничений и может рассматриваться лишь как стартовая точка для дальнейшей проверки и верификации полученных выводов. В частности, для получения более валидных и надежных выводов необходимо расширить выборку исследуемых этнических республик. В части проведения фокус-групп представляется важным дополнить в качестве контрольных групп респондентов, представляющих городское население и сельское русское население. Все это можно признать перспективным направлением дальнейших исследований рассмотренной в статье научной проблемы.

Литература

- Абдулатипов Р. Г.* (2000). Национальный вопрос и государственное обустройство России. М.: Славянский диалог.
- Амелин В. В.* (1997). Вызовы мобилизованной этничности: конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* (1996). Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль.
- Зорин В. Ю.* (2003). Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М.: ИСПИ.
- Коротеева В. В.* (2000). Экономические интересы и национализм. М.: РГГУ.
- Курлов А. Б., Суханов В. М., Шкель С. Н.* (2003). Социодинамика политических приоритетов электората в условиях регионального самоуправления. Уфа: Башк. гос. ун-т.
- Минаева Э. Ю., Панов П. В.* (2017). Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ // Политическая наука. № 4. С. 178–205.
- Панов П. В.* (2019). Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. № 2. С. 53–62.
- Тишков В. А.* (1997). Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир.
- Auyero J.* (2001). Poor People's Politics: Peronist Survival Networks and the Legacy of Evita. Durham: Duke University Press.

- Avdeyeva O., Matland R.* (2020). Ethnicity and Voters' Evaluations of Political Leadership: «Lab-in-the-Field» Experiments in Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36. № 1. P. 83–100.
- Bader M., Ham C.* (2015). What Explains Regional Variation in Election Fraud? Evidence from Russia: A Research Note // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. № 6. P. 514–528.
- Bates R. H.* (1983). Modernization, Ethnic Competition, and the Rationality of Politics in Contemporary Africa // *Rothchild R., Olorunsola V. A.* (eds.). *State Versus Ethnic Claims: African Policy Dilemmas*. Boulder: Westview Press. P. 152–171.
- Borisova N., Sulimov K.* (2018). Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Papers*. Vol. 46. № 3. P. 358–373.
- Chandra K.* (2004). *Why Ethnic Parties Succeed: Patronage and Ethnic Head Counts in India*. Cambridge: Cambridge University Press.
- European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата доступа: 09.03.2021).
- Franck R., Rainer I.* (2012). Does the Leader's Ethnicity Matter? Ethnic Favoritism, Education, and Health in SubSaharan Africa // *American Political Science Review*. Vol. 106. № 2. P. 294–325.
- Frye T., Reuter J., Szakonyi D.* (2014). Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. Vol. 66. № 2. P. 195–228.
- Frye T., Reuter J., Szakonyi D.* (2019). Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela // *World Politics*. Vol. 71. № 4. P. 710–746.
- Frye T.* (2015). What Do Voters in Ukraine Want? A Survey Experiment on Candidate Ethnicity, Language, and Policy Orientation // *Problems of Post-Communism*. Vol. 62. № 5. P. 247–257.
- Golosov G.* (2013). Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya*. Vol. 21. № 4. P. 459–480.
- Goodnow R., Moser R., Smith T.* (2012). The Effects of Ethnic on the Electoral Success in Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 45. № 2. P. 167–194.
- Goodnow R., Moser R., Smith T.* (2014). Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // *Electoral Studies*. № 36. P. 15–27.
- Hale H.* (2003). Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. № 3. P. 228–263.
- Hale H.* (2008). *The Foundation of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Hoffman B., Long J.* (2013). Parties, Ethnicities, and Voting in African Elections // *Comparative Politics*. Vol. 45. № 1. P. 127–146.
- Kitschelt H., Wilkinson S.* (2007). A Research Agenda for the Study of Citizen–Politician Linkages and Democratic Accountability // *Kitschelt H., Wilkinson S.* (eds.). *Patrons, Clients, and Policies*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 322–343.
- Matsuzato K.* (2001). From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1900–2000 // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 17. № 4. P. 43–77.

- Minaeva E., Panov P.* (2020). Localization of Ethnic Groups in the Regions as a Factor in Cross-Regional Variations in Voting for United Russia // *Russian Politics*. № 5. P. 131–153.
- Myagkov M., Ordeshook P., Shakin D.* (2008). *The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nichter S.* (2008). Vote Buying or Turnout Buying? Machine Politics and the Secret Ballot // *American Political Science Review*. Vol. 102. № 1. P. 19–31.
- Panov P., Ross C.* (2016). Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension // *Demokratizatsiya*. Vol. 24. № 3. P. 351–370.
- Panov P., Ross C.* (2019). Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime // *Europe-Asia Studies*. Vol. 71. № 2. P. 268–289.
- Posner D. N.* (2005). *Institutions and Ethnic Politics in Africa*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Saikkonen I.* (2017). Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia // *Government and Opposition*. Vol. 52. № 1. P. 51–74.
- Scott J.* (1969). Corruption, Machine Politics, and Political Change // *American Political Science Review*. Vol. 63. № 4. P. 1142–1158.
- Sharafutdinova G.* (2013). Getting the «Dough» and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan // *Demokratizatsiya*. Vol. 21. № 4. P. 507–529.
- Sharafutdinova G.* (2015). Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View from Bashkortostan and Tatarstan // *Central Asian Affairs*. № 2. P. 117–139.
- Shcherbak A., Sych K.* (2017). Trends in Russian Nationalities Policy: A Structural Perspective // *Problems of Post-Communism*. Vol. 64. № 6. P. 311–328.
- Shkel S.* (2019). Bastions of Tradition: The Ethnic Factor and Political Machines in Russian Regions // *Russian Politics*. Vol. 4. № 1. P. 76–111.
- Shkel S.* (2021). Why Political Machines Fail; Evidence from Bashkortostan // *Demokratizatsiya*. Vol. 29. № 1. P. 31–62.
- Stokes S.* (2005). Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics // *American Political Science Review*. Vol. 99. № 3. P. 315–325.
- Wantchekon L.* (2003). Clientelism and Voting Behavior: Evidence from a Field Experiment in Benin // *World Politics*. Vol. 55. № 3. P. 399–422.
- White A.* (2016). Electoral Fraud and Electoral Geography: United Russia Strongholds in the 2007 and 2011 Russian Parliamentary Elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. № 7. P. 1127–1178.
- White A., Saikkonen I.* (2017). More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // *Ethnopolitics*. Vol. 16. № 5. P. 450–470.

The Anatomy of Loyalty: Mechanisms for the Formation of an Electoral Super-Majority in the Ethnic Republics of Contemporary Russia

Stanislav Shkel

Dc. Sci (Politics), Professor, Department of Political Science and International Relations, HSE University
Address: Griboyedova Canal Emb., 123, Saint Petersburg, Russian Federation 190068
E-mail: stas-polit@yandex.ru

Andrey Shcherbak

Candidate of Political Science, Head of the Department of Political Science and International Relations, HSE University
Address: Griboyedova Canal Emb., 123, Saint Petersburg, Russian Federation 190068
E-mail: ascherbak@hse.ru

Tatiana Tkacheva

Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, HSE University
Address: Griboyedova Canal Emb., 123, Saint Petersburg, Russian Federation 190068
E-mail: tkacheva.tatyana@gmail.com

An invariable characteristic of Russian elections in the post-Soviet period is the relatively-high turnout and electoral support of incumbents demonstrated by many of the ethnic republics. The article is devoted to the study of the reasons for the relationship between the ethnic factor and the reproduction of political loyalty. Unlike most previous studies, the authors test existing theories on the basis of opinion polls data rather than official electoral statistics. This makes it possible to include the ethnic characteristics of voters at the individual level in the analysis, rather than regional or local levels. The statistical analysis is complemented by the study of qualitative data in the form of expert interviews and materials from three focus groups conducted in the villages of Bashkortostan and Tatarstan. The results obtained make it possible to assert that the political loyalty of the Russian republics is determined not by cultural specifics, but by the nature of the settlement structure. Ethnic republics include a relatively-high proportion of the agrarian population, a significant part of which is represented by ethnic minorities. This overlap of ethnic and rural segments determines the reproduction of the electoral super-majority. However, the nature of this phenomenon is explained not by the "patriarchal culture" of non-Russian ethnic groups, but by the institutional capabilities of the local administration to monitor and control the political behavior of rural voters. The study also made it possible to clarify the role of the ethnic factor in contemporary electoral processes, which also affects the reproduction of political loyalty not only to the heads of the republics, but also to non-ethnic federal political actors. However, its influence is also conditioned by the political and institutional characteristics of the ethnic republics, and not by the cultural characteristics of the titular ethnic groups.

Keywords: ethnopolitics, electoral processes, ethnic factor, political loyalty, political machines, sub-national politics, Russia

References

- Abdulatipov R. (2000) *Nacional'nyj vopros i gosudarstvennoe obustrojstvo Rossii* [National Question and State Arrangement of Russia], Moscow: Slavyansky dialog.
- Amelin V. (1997) *Vyzovy mobilizovannoj etnichnosti: konflikty v istorii sovetskoj i postsovetskoj gosudarstvennosti* [Challenges to Mobilized Ethnicity: Conflicts in the History of Soviet and Post-Soviet Statehood], Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.

- Auyero J. (2001) *Poor People's Politics: Peronist Survival Networks and the Legacy of Evita*, Durham: Duke University Press.
- Avdeyeva O., Matland R. (2020) Ethnicity and Voters' Evaluations of Political Leadership: "Lab-in-the-Field" Experiments in Russian Regions. *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no 1, pp. 83–100.
- Bader M., Ham C. (2015) What Explains Regional Variation in Election Fraud? Evidence from Russia: A Research Note. *Post-Soviet Affairs*, vol. 31, no 6, pp. 514–528.
- Bates R. H. (1983) Modernization, Ethnic Competition, and the Rationality of Politics in Contemporary Africa. *State Versus Ethnic Claims: African Policy Dilemmas* (eds. R. Rothchild, V. A. Olorunsola), Boulder: Westview Press, pp. 152–171.
- Borisova N., Sulimov K. (2018) Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies. *Nationalities Papers*, vol. 46, no 3, pp. 358–373.
- Chandra K. (2004) *Why Ethnic Parties Succeed: Patronage and Ethnic Head Counts in India*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Drobizheva L., Aklaev A., Koroteeva V., Soldatova G. (1996) *Demokratizatsiya i obrazy nacionalizma v Rossijskoj Federacii 90-h godov* [Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation of the 1990s], Moscow: Mysl'.
- European Social Survey. Available at: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (accessed 9 April 2021).
- Franck R., Rainer I. (2012) Does the Leader's Ethnicity Matter? Ethnic Favoritism, Education, and Health in SubSaharan Africa. *American Political Science Review*, vol. 106, no 2, pp. 294–325.
- Frye T. (2015) What Do Voters in Ukraine Want? A Survey Experiment on Candidate Ethnicity, Language, and Policy Orientation. *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no 5, pp. 247–257.
- Frye T., Reuter J., Szakonyi D. (2014) Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *World Politics*, vol. 66, no 2, pp. 195–228.
- Frye T., Reuter J., Szakonyi D. (2019) Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela. *World Politics*, vol. 71, no 4, pp. 710–746.
- Golosov G. (2013) Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no 4, pp. 459–480.
- Goodnow R., Moser R., Smith T. (2012) The Effects of Ethnic on the Electoral Success in Russia. *Comparative Political Studies*, vol. 45, no 2, pp. 167–194.
- Goodnow R., Moser R., Smith T. (2014) Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia. *Electoral Studies*, no 36, pp. 15–27.
- Hale H. (2003) Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no 3, pp. 228–263.
- Hale H. (2008) *The Foundation of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*, New York: Cambridge University Press.
- Hoffman B., Long J. (2013) Parties, Ethnicities, and Voting in African Elections. *Comparative Politics*, vol. 45, no 1, pp. 127–146.
- Kitschelt H., Wilkinson S. (2007) A Research Agenda for the Study of Citizen–Politician Linkages and Democratic Accountability. *Patrons, Clients, and Policies* (eds. H. Kitschelt, S. Wilkinson), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 322–343.
- Koroteeva V. (2000) *Ekonomicheskie interesy i nacionalizm* [Economic Interests and Nationalism], Moscow: RSUH.
- Kurlov A., Sukhanov V., Shkel S. (2003) *Sociodinamika politicheskikh prioritetov elektorata v usloviyah regional'nogo samoupravleniya* [Sociodynamics of Political Priorities of the Electorate in the Context of Regional Self-government], Ufa: BSU.
- Matsuzato K. (2001) From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1900–2000. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 17, no 4, pp. 43–77.
- Minaeva E., Panov P. (2017) Etnicheskie regional'nye avtonomii: variativnost' sootnosheniya etnicheskikh i politiko-administrativnykh granic [Ethnic Regional Autonomies: The Variability of the Ratio of Ethnic and Political-Administrative Boundaries]. *Political Science*, no 4, pp. 178–205.
- Minaeva E., Panov P. (2020) Localization of Ethnic Groups in the Regions as a Factor in Cross-Regional Variations in Voting for United Russia. *Russian Politics*, no 5, pp. 131–153.

- Myagkov M., Ordeshook P., Shakin D. (2008) *The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nichter S. (2008). Vote Buying or Turnout Buying? Machine Politics and the Secret Ballot. *American Political Science Review*, vol. 102, no 1, pp. 19–31.
- Panov P. (2019) Prostranstvennaya lokalizatsiya etnicheskikh grupp kak faktor golosovaniya na vyborah v nacional'nykh respublikah Rossijskoj Federacii [Spatial Localization of Ethnic Groups as a Factor of Voting in Elections in the National Republics of the Russian Federation]. *Perm Federal Research Centre Journal*, no 2, pp. 53–62.
- Panov P., Ross C. (2016) Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 24, no 3, pp. 351–370.
- Panov P., Ross C. (2019) Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 2, pp. 268–289.
- Posner D. N. (2005) *Institutions and Ethnic Politics in Africa*, New York: Cambridge University Press.
- Saikkonen I. (2017) Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia. *Government and Opposition*, vol. 52, no 1, pp. 51–74.
- Scott J. (1969) Corruption, Machine Politics, and Political Change. *American Political Science Review*, vol. 63, no 4, pp. 1142–1158.
- Sharafutdinova G. (2013) Getting the "Dough" and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no 4, pp. 507–529.
- Sharafutdinova G. (2015) Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View from Bashkortostan and Tatarstan. *Central Asian Affairs*, no 2, pp. 117–139.
- Shcherbak A., Sych K. (2017) Trends in Russian Nationalities Policy: A Structural Perspective. *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no 6, pp. 311–328.
- Shkel S. (2019) Bastions of Tradition: The Ethnic Factor and Political Machines in Russian Regions. *Russian Politics*, vol. 4, no 1, pp. 76–111.
- Shkel S. (2021) Why Political Machines Fail; Evidence from Bashkortostan. *Demokratizatsiya: Journal of Post-Soviet Democratisation*, vol. 29, no 1, pp. 31–62.
- Stokes S. (2005) Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics. *American Political Science Review*, vol. 99, no 3, pp. 315–325.
- Tishkov V. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia], Moscow: Russky mir.
- Wantchekon L. (2003) Clientelism and Voting Behavior: Evidence from a Field Experiment in Benin. *World Politics*, vol. 55, no 3, pp. 399–422.
- White A. (2016) Electoral Fraud and Electoral Geography: United Russia Strongholds in the 2007 and 2011 Russian Parliamentary Elections. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 7, pp. 1127–1178.
- White A., Saikkonen I. (2017) More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections. *Ethnopolitics*, vol. 16, no 5, pp. 450–470.
- Zorin V. (2003) *Nacional'naya politika v Rossii: istoriya, problemy, perspektivy* [National Policy in Russia: History, Problems, Prospects], Moscow: ISPI.